

ОТКРЫТИЕ

театрального сезона 1964/1965 года в Лондоне совпало с началом дискуссии, разгоревшейся вокруг последних спектаклей Королевского шекспировского театра. Была развернута критическая кампания в прессе, инициатор которой Эмил Литтлер, член коммерческого совета Шекспировского театра, выступил во главе целой группы видных представителей финансовых кругов. Недовольство вызвала постановка на сцене театра «Олдуни» ряда пьес, полувосточных, общее название «театра жестокости». Театру было предъявлено обвинение в оскорблении общественного вкуса.

Многие критики выступили против включения этих пьес в репертуар Шекспировского театра. По их мнению, они приносят театру дурную славу и отталкивают тех зрителей, которые идут в театр развлечения. «Теряется лицо театра», — говорят они, — и, кроме того, разбазариваются общественные фонды» (известно, что Шекспировскому театру предоставляется правительственная субсидия).

«Существо спора — деньги, — заметил театральный обозреватель газеты «Дейли геральд». — Администраторы — люди пугливые: они не знают точно, что нужно зрителю, и поэтому всегда идут «когда отпущения». Вот почему они нападают не только на Шекспировский театр, но одновременно и на тех критиков, которые одобряют «грязные пьесы», одновременно осуждают бес содержательности таких пустышек, как последний американский музыкальный спектакль «Камелот».

Однако, несмотря на резкую критику в прессе, окрестившей этот сезон годом «грязных пьес», совет театра одобрил репертуар.

ДИСКУССИЮ В ПРЕССЕ саму по себе нельзя рассматривать как борьбу между реакционными и прогрессивными отношением к современному театру, ибо «шар» разгорелся вокруг моральной стороны вопроса. Основные аргументы, выставленные против театра, весьма шаблонны. Они известны нам еще со времени постановки первых пьес Бернарда Шоу и Ибсена. Стоит вспомнить, например, как в свое время «Привидения» Ибсена были названы в печати «язвой, болезнью, выставленной на всеобщее обозрение».

Думается, речь должна идти о другом. Каковы идеологические позиции драматургов «театра жестокости»? Насколько жизнь, изображенная в их пьесах, отражает реальную жизнь людей в современном буржуазном обществе?

Следует признать, что типичным для многих деятелей театра, о которых идет речь, является то, что они подавлены сознанием вырождения и грядущей гибели буржуазного общества и, не будучи в состоянии разобраться в сложности проблем, возникающих в связи с этим, все больше и больше погружаются в рассуждения о бессмысленности и хаотичности бытия. Отсюда, как логическое следствие, и возникает идея о «злой природе» человека, которая противоречит научному взгляду на мир. Поэтому миф, мистика, жестокость кажутся им богатым источником театральных экспериментов.

Ровно год назад в газете «Обсервер» появилось сообщение о том, что Питер Холл и Питер Брук готовят постановки, «проникнутые сильным влиянием Антигона Арто, французского драматурга, родоначальника «театра жестокости», основанного на идее злой воли, темных инстинктов и мистики... Питер Холл считает, что метод Арто берет начало в поэзии и драматургии Шекспира, поэтому театр Стратфорд-он-Эйвон (основная сцена Королевской шекспировской труппы) след возможным осуществить замыслы Питера Холла и Питера Брука. Во время недавней дискуссии Питер Холл сказал: «Мы не смакуем жестокость. Мы ненавидим ее. Но современные писатели говорят о том, что в наше время, когда люди кажутся наиболее цивилизованными, именно теперь они и стали жестокими, как никогда прежде». Подобные высказывания всегда следует проецировать художественной практикой и рассматривать, каким образом взгляды того или иного драматурга отражаются в его пьесах.

В пьесе Радклифа «Прежде чем опустится ночь» действие происходит в пригороде Бирмингема во время уборки урожая. Здесь работают местные сборщики и сезонные рабочие, в их числе два студента и один бродяга-ирландец. Кульминация действия — жуткая сцена, когда над садом пролетает самолет, посыпаящий поле ядовитым порошком. Рабочие нападают на ирландца и зверским образом убивают его. Из реплик действующих лиц известно, что подобное убийство уже было совершено на том же месте и неизбежно должно было произойти вновь.

Пьеса представляет собой нечто среднее между реалистическим повествованием и фантастической сказкой. Автор возмущен тем, что происходит в буржуазном мире. Все представляется ему разрушенным и больным: это век Хиросимы, лагерей смерти, опустошительных войн и всепоглощающей жестокости. В пьесе выражено убеждение драматурга в том, что все это — естественное состояние человека, а зверское убийство — как бы обобщенный образ первобытного варварства, жи-

СЕЗОН "ГРЯЗНЫХ ПЬЕС" ПОЧЕМУ?

Джек САЗЕРЛЕНД,
английский театральный критик

люка найти в себе семена своего собственного разрушения. Самоубийство в пьесе объясняет невозможность для человека жить, когда все его существо раздираемо двумя силами — добром и злом». Идея драматурга сводится к следующему: во всех людях заключено злое начало. Все мы виновны. Поэтому нельзя винить одного, не обвинив всех.

В пьесе «Празднование дня рождения» изображена повседневная жизнь обыкновенных людей, проводящих время в пансионе на берегу моря. Написана она в «бытовой» манере, признанным мастером которой является Гарольд Пинтер. В то же время это притча о беснующейся перед лицом необъяснимых мистических сил.

Проблема человеческой природы — вот тема упомянутой нами выше пьесы Питера Байсса «Марат — Сад». Не случайно действие происходит в сумасшедшем доме, так как это своего рода микрокосмос того мира, в котором мы живем, мира, где все люди неполноценны, а их стремления изменить что-либо обречены. Эта концепция напоминает слова персонажа одной из пьес американского драматурга Теннесси Уильямса, который писал: «Мир — это всего лишь огромная больничная палата».

ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА современных пьес знающих авторов, ставящих проблему необъяснимости человеческой природы, характерно то, что они рассматривают жизнь как всеобщий хаос. В пьесах Беккет и Пинтера эта тема порой облечена в абсолютно недоступную форму. Кстати, среди наших критиков и драматургов распространено мнение, что якобы «неинтересно» и «старомодно» ставить в художественных произведениях такие «прямолинейные» вопросы, как: на чьей стороне художник, что именно он защищает и против чего борется?

Усилию буржуазии, направленные на то, чтобы затуманить реальную расстановку сил в обществе и смазать вопрос о классовой борьбе, таким образом, объективно соприкасаются со взглядами многих современных драматургов, толкующих мир как нечто ужасное и необъяснимое. Вот почему в пьесах, изображающих кризис современного общества, ясно ощущается влияние реакционной идеологии. Эти пьесы примиряют людей с существованием зла вместо того, чтобы искать его корни в социальных, экономических и политических отношениях современного буржуазного общества.

Интересно заметить, что в пьесе Бертольта Брехта «Святая Иоанна со скотобоен», шедшей этим летом в Лондоне, также изображена жестокость и несправедливость по отношению к угнетенным. Но Брехт видит источник этой жестокости не в «необъяснимой» природе своих персонажей — мисных королей и спекулянтов чикагских скотобоен, а в классовом характере капиталистического общества.

В заключение необходимо отметить новую пьесу Джона Осборна «Недопустимое обвинение», поставленную труппой «Нигилист стейдж комани» в театре «Ройал корт».

Новая пьеса Осборна была принята весьма благосклонно. Она дает представление об обстановке смуты и отчаяния, царящих в среде мелкой буржуазии. Главный герой, 40-летний адвокат, — это постаревший и отчаявшийся вариант Джимми Портера из пьесы «Обернись во гневе».

Осборн не имеет ничего общего ни с так называемым «театром жестокости», ни с театром абсурда. Его не волнует мистика. Состояние своего героя он объясняет не какими бы то ни было сверхъестественными силами, скрытыми в человеческой природе, а реальным положением общества, членом которого является человек. В современной английской драматургии трудно найти что-либо подобное той беспощадной сатире, которая отличает пьесы Осборна. Так, в «Недопустимом обвинении» автор клеймит различные стороны буржуазного общества и пытается найти объяснение тому, что происходит. Однако острота его сатиры все же направлена не на причины болезни, а на ее симптомы. Поэтому досадно, что сарказм драматурга не всегда проникает в глубь происходящего. Несмотря на то, что пьеса сценически великолепна, она оставляет тяжелый осадок полнейшей безысходности. Это настроение характерно для большинства современных пьес, идущих на сценах английских театров.

МЫ РАССКАЗАЛИ всего лишь о нескольких из них, но это пьесы примечательные в том смысле, что по ним можно судить об общем состоянии современного английского театра, пока еще не нашедшего выхода из того тупика, в который его неизбежно должна была привести абсурдная и жестокая философия модернизма.

ЛОНДОН.

вущего во всех людях.

Тема названной мною пьесы становится на Западе все более популярной. В предисловии к своей пьесе «После падения» Артур Миллер писал: «Это пьеса о животном желании и неспособности че-